

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:

**Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета:
Учеб. пособие. М.: Флинта; Наука, 2010. 328 с.**

Я знаю слова, которые умнее меня, они сами
становятся мною, моей памятью, моими мыслями.
Е. Чижова

«Ахиллесовой пятой» современного языкознания стало появление неких лингвистических фантомов. Они «у всех на слуху» и при этом в разных работах наполнены самым различным содержанием (достаточно вспомнить о «концепте» и «дискурсе», без которых не обходится, пожалуй, ни одна региональная научная конференция). К сожалению, часто модная терминология оказывается «фиговым листком», скрывающим методологическое бессилие. Только ленивый не писал о «языковой картине мира». Поэтому вполне разумной была попытка объявить мораторий¹ на употребление этого термина.

Мораторий нарушил Тимур Беньюминович Радбиль, автор учебного пособия «Основы изучения языкового менталитета». Ценность настоящего исследования – в его *методологической обоснованности*: уровни языкового менталитета выделены с опорой на концепцию языковой личности Ю. Н. Караулова, исходя из «определенного изоморфизма структуры языковой личности и структуры языкового менталитета этноса в целом» (С. 68). Подчеркнем, что предлагаемый Ю. Н. Карауловым лингвокогнитивный уровень Т. Б. Радбиль разделяет на два: уровень знания о мире (оставляя за ним название «лингвокогнитивный») и уровень системы ценностей (он назван «аксиологическим»). Таким образом, на основе трехуровневой модели языковой личности Т. Б. Радбилем предложена модель языкового менталитета, включающая четыре уровня:

- 1) вербально-семантический;
- 2) лингвокогнитивный;
- 3) аксиологический;
- 4) мотивационно-прагматический.

Эта модель определила композицию книги. Учебное пособие состоит из предисловия, введения, пяти глав и заключения. Введение, каждая из глав и заключение предваряются хорошо подобранным эпиграфом, а завершаются разделом «Вопросы и задания» (над проблемными вопросами впору «поломать голову» не только студентам!) и собственным библиографическим списком. Первая глава посвящена истории вопроса и определению основных понятий, следующие главы – выделенным уровням языкового менталитета.

Другой важной особенностью настоящего пособия является его *синхронический характер*. Не секрет, что методы конструирования картин мира обращены в прошлое: языковая картина мира обычно реконструируется. Т. Б. Радбиль подчеркивает, что его «интересует языковой менталитет, воплощенный именно в фактах лексики и грамматики *живого современного языка*» (С. 8). На первый план выходит исследование разнообразных проявлений языкового менталитета, унаследованных от самых далеких предков (без истории не обойтись!), в современном русском языке. Причем «релевантными в плане изучения национально обусловленных представлений о мире в языке будут только такие представления, которые входят

¹ С таким предложением выступил А. Я. Шайкевич в докладе «Русская языковая картина мира на фоне других картинок» на международной научной конференции «Языкознание sub specie русистики: взаимодействие языковых элементов» (РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, 16 июня 2004 г.).

в значения слов в неявном виде, так что человек принимает их на веру, не задумываясь» (С. 15).

Таким образом, метод изучения языкового менталитета сводится к выявлению «неявного, имплицитного концептуального содержания, скрытого в пресуппозитивной части семантики единиц *современного языка*» (С. 15). Т. Б. Радбиль подчеркивает правоту Ф. де Соссюра в отношении примата синхронии над диахронией в изучении языка, когда пишет: «Важно не то, что утверждают носители языка, а то, что они считают само собою разумеющимся, не видя необходимости специально останавливаться на этом внимание. Более того, важно, что они считают это именно сейчас, посредством слов и значений живого, повседневного языка, а не считали когда-то, еще в эпоху крещения Руси» (С. 15–16).

В книге Т. Б. Радбиля приняты следующие *методы* исследования:

- метод семантических толкований (в духе А. Вежбицкой и Ю. Д. Апресяна);
- метод логического анализа естественного языка (Т. Б. Радбиль участвует в работе проблемной группы «Логический анализ языка» под руководством Н. Д. Арутюновой);
- метод когнитивного анализа концептуального содержания лексических и грамматических единиц языка;
- метод сопоставительного анализа фактов разных языков в лингвокультурологическом освещении.

Автор настойчиво подчеркивает, что он не одинок в своем исследовании, привлекая труды своих «учителей и старших товарищей» – от В. фон Гумбольдта и А. А. Потемни до А. Вежбицкой и Ю. Д. Апресяна. Некая хрестоматийность изложения не является недостатком – скорее следует говорить об *энциклопедичности* изложения. В ряде случаев не всегда удается определить, в чем новаторство Т. Б. Радбиля: настолько органично его собственные выводы вписаны в широкий лингвистический контекст.

Теоретическое изложение сопровождается исчерпывающей (если не сказать – искрометной) интерпретацией языкового материала. Следует особо отметить его своеобразие: в книге собраны сведения из многих языков и культур, западных и восточных (поскольку задачи целостного описания определенного языкового менталитета в ней не ставилось), хотя в основном автор опирается на русский язык и русскую культуру.

В концепции Т. Б. Радбиля *языковой менталитет* понимается «как национально-специфичный способ знакового представления знания о мире, системы ценностей и моделей поведения, воплощенный в семантической системе национального языка» (С. 66), иначе – как «способ жить, думать и разговаривать» (С. 66).

Практически уравнивая языковой менталитет и менталитет как таковой, Т. Б. Радбиль подчеркивает, что последний «проявляет» себя в качестве знаковой системы, которая обусловлена особенностями национального языка. Именно язык дан нам в качестве «объективно существующей среды бытования менталитета» (С. 65).

Каковы же пути изучения языкового менталитета? В книге Т. Б. Радбиля представлено его поуровневое изучение.

I. Вербально-семантический (системно-языковой) уровень отражается в неповторимых национально-специфичных «конфигурациях смысла», воплощенных в особенностях лексической, словообразовательной и грамматической семантики данного языка. Это выявляется как в установлении существенных семантических различий при сопоставлении примерно сходных фактов в разных языках, так и в установлении безэквивалентных лексических единиц, грамматических категорий и синтаксических моделей. Этот уровень примерно соотносится с «внутренней формой языка» (в концепции В. фон Гумбольдта), определяется как «общерусский языковой тип» (в работах Ю. Н. Караулова).

Наиболее интересными показались нам замечания об антропоцентризме грамматики: «в высказывании *Тропка кончается у обрыва* позиция наблюдателя – как бы вне тропки, а в высказывании *Тропка кончилась у обрыва* предполагается позиция наблюдателя на тропке, которую он прошел» (С. 105). Анализ национальной специфики грамматической системы языка чрезвычайно важен, поскольку традиционно национальное своеобразие связывается главным образом с лексикой.

II. Уровень знания о мире (лингвокогнитивный) воплощается в «языковой картине мира» данного языка. Языковая картина мира, в свою очередь, есть результат специфической *язы-*

ковой концептуализации мира (Ю. Д. Апресян). Языковая концептуализация мира не сводится к системно-языковым значениям единиц и выражений языка. Она представляет собой особым образом организованный опыт нашего взаимодействия с окружающим миром, который откладывается в семантике языка также особым образом.

Факты русского языка, отмечает Т. Б. Радбиль, «демонстрируют восходящую к архетипическим мифологическим представлениям циклическую модель времени, а именно представление о прошлом как 'то, что впереди' (пространственный предлог *перед* (ср. *вперед*) во временном значении означает 'до, раньше', ср. также значение приставки в словах *пред-ыдущий*, *пред-шествующий*), представление о геоцентрической модели мира (*солнце заходит*, *солнце восходит*), о том, что земля плоская и имеет край (*на краю земли*)» (С. 69).

Речь идет о собственно «содержательном» уровне языкового менталитета, воплощающем представления этноса о времени и пространстве, о человеке и природе, о мире, производственной и социальной деятельности и пр. Эти представления выявляются в особом роде единицах «языка мысли» – ментальных репрезентациях: концептах, концептуальных схемах, концептуальных моделях ситуации – иными словами, *концептуальных структур*.

Сравнение двух русских выражений *сидеть на стуле* и *сидеть в кресле* позволяет выявить разные концептуальные схемы: «сидение на стуле представлено как нахождение на поверхности, т. е. на двухмерной горизонтальной плоскости», в то время как «сидение в кресле представлено уже как нахождение внутри трехмерного контейнера (вместилища)» (С. 164). Во втором случае реализована идея погружения, помещения внутрь. Получается, что за словарными (системными!) значениями слов и грамматической семантикой морфологических категорий и синтаксических моделей скрыт «некий глубинный слой неэксплицированной концептуальной информации, связанной с особенностями взаимодействия человека со средой, с его опытом и спецификой познавательной активности по освоению окружающего мира» (С. 164).

III. Уровень системы ценностей (аксиологический) воплощается в иерархически организованной совокупности ключевых ценностно-значимых концептов (культурных концептов, аксиологем, культурем, идеологем), у которых ценностно-окрашенная семантика входит в номинативное содержание, а также в языковых и в экстралингвистических (культурных) коннотациях, закрепленных в узусе за определенными словами и выражениями, т. е. в системе языковой и экстралингвистической оценочности. В качестве примера приведен краткий очерк из ключевых русских концептов (*дух / душа, разум / ум, истина / правда, свобода / воля, совесть / стыд, судьба, вера, надежда, любовь, тоска, «безделушность» / «чуждость» / «странность»*), а также анализ некоторых английских (*mind*), китайских (*yin / yang*) и японских концептов. Автором отмечен коннотативный потенциал лексики и грамматики. Любопытны замечания о возможности / невозможности обращения к гастрономическому культурному коду (С. 260) в английской и русской традиции (ср. англ. *honeу* и русск. *милый / милая*).

IV. Мотивационно-прагматический (поведенческий) уровень отражается в совокупности так называемых «жизненных установок» (А. Д. Шмелев), норм поведения, а также в многообразной сфере типичных для данного этноса интенций, мотивов, целей, потребностей. Все это воплощается в разного рода этикетных формулах, принятых в данной культуре, в манере ведения коммуникативного акта, в разнообразных стереотипах и «культурных сценариях» (А. Вежбицкая).

«Что может быть общего между русским матом, плеванием на землю под ноги в одном из суданских племен и вездесущим *О.К.*, постепенно заставляющим народы Земли навсегда позабыть собственные способы поддерживать коммуникацию?» (С. 271). Ответ на этот вопрос предполагает противопоставление утилитарного и семиотического поведения, причем особой разновидностью последнего может считаться анти-поведение.

Важно подчеркнуть, что все четыре уровня языкового менталитета, условно выделенные Т. Б. Радбилем, связаны между собой и присутствуют в языке синкретично и нерасчлененно. Это можно видеть как в отдельных словах, выражениях, грамматических категориях и синтаксических моделях языка, так и в целых классах слов или автономных участках его системы, а также в языковой системе в целом.

Заключительный раздел книги озаглавлен «Вместо заключения (Языковой менталитет в русском языке начала III тысячелетия)». Т. Б. Радбиль справедливо замечает, что феномен

языкового менталитета не может иметь «заключения», потому что «он завершится только вместе с народом, который носит его в своем сознании» (С. 315). Вместо заключения предлагаются размышления о том, что происходит с нашим языковым менталитетом сегодня, в дни «глобализации» и «культурной экспансии». Для исследования выбрано неформальное сетевое общение в Интернете – как наиболее динамичная и активно развивающаяся среда, в которой воплощаются инновации технологические и проявляются, как нетрудно убедиться, инновации языковые. В качестве примера динамичного осмысления действительности приводится окказионализм *догонялово* (С. 317) и подобные (отдаленно напоминающие созданные на основе гиперболизации человеческих свойств наименования сказочных волшебных помощников типа *Опивало*). Анализируя инновационные тенденции в грамматике, Т. Б. Радбиль полемизирует с М. Эпштейном по поводу усвоения западных речемыслительных образцов. В современной русской речи процесс развития переходности сосуществует с активным обратным процессом – экспансией пассивно-возвратности: *я уронила* (С. 322) и пр. Таким образом, доминируют традиционно русские способы грамматической концептуализации действительности.

Учебное пособие Т. Б. Радбиля представляет интерес для специалистов в различных областях гуманитарного знания. Мы прочитали книгу со студентами факультета журналистики НГУ. Для будущих журналистов особенно важно преодолеть «орудийно-ремесленный» взгляд на язык и ощутить, как он подсказывает (а порой навязывает) путь в интерпретации действительности. Язык – «проводник в человеческом освоении (у-своении и даже при-своении) мира» (С. 20).

Не стоит, однако, слепо ориентироваться на заявленный жанр книги: не только учащиеся, но и научное сообщество получило возможность захватывающего чтения. Глубина мысли сочетается здесь с изящностью изложения, стройность теоретических построений – с блестящим остроумием автора.

И. В. Высоцкая

доктор филологических наук,
профессор кафедры семиотики и дискурсного анализа
Новосибирского государственного университета